

**Terms of legitimate restrictions of human rights
and freedoms in criminal sphere**

Abstract: The paper shows the relevance of the study, names its objectives and ultimate goal. The author determines the relation of the concepts of «restriction of human rights and fundamental freedoms» and «interference with the rights», names the reasons for which the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation named these legal categories as similar in 2013. The author states the urgency of determining the terms of legitimate restrictions of human rights and assigning them to particular criteria, their relationship and some problems of its interpretation in criminal matters. In addition, the author focuses on legal positions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Plenum of Supreme Court of the Russian Federation in 2013, which reflect the degree of importance (role) of each of them in achieving the interim (tactical) and final (global) objectives, the rules to overcome the competition between the indicators, which is important to keep in mind regarding the criminal sphere, modern vision of the place of international norms and agreements in the Russian legal system.

The legality criteria and its indicators related to the form of the law (availability, certainty, stability and predictability), are characterized by taking into account changes of the Russian Constitution, the law on international treaties, international treaties signed by Russia, the legal position of the Constitutional Court, the place of international law and treaties in the Russian legal system, supremacy of the Constitution of the Russian Federation and the purpose of our study. It is concluded that the availability, certainty, clarity, specificity, stability of the law serve as a means of achieving an interim goal - the possibility of foresight, predicting the effects of human rights restrictions and changing the legal status. But this is a tactical (interim) goal, not the ultimate (global) goal, because all the formal terms (conditions) of lawful rights restrictions (interferences) can be met, but if the law is not justified and the restriction is disproportionate to the legitimate aims, then it is not necessary in a democratic society, which is possible only if the content (material) conditions (terms) of the legality of interference with the rights are satisfied.

♦ **Plokhova Valentina I.** - Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Criminal Law and Criminology of Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: VPlokhova@yandex.ru.

Keywords: restriction of rights; interference with the rights; criteria; indicator; condition; legality; availability; certainty; stability; predictability; the degree of importance; competition; goal; means.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) должен основываться (не декларативно, как было в предыдущий исторический период) на положениях Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права. Согласно конституционным и международным нормам, правомерное ограничение прав человека и основных свобод возможно при соблюдении ряда условий. Однако Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ), Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) часто констатируют игнорирование законодателем, исполнительной властью и судом даже такого очевидного требования к закону, на основании которого ограничиваются права человека в уголовной сфере, как необходимость его опубликования. Возможно, в связи с этим правовой категории «ограничение прав человека» впервые за всю историю российского государства посвящено около половины текста постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ПВС РФ) от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». Нельзя не увидеть в нем отражение многих положений, содержащихся в имеющихся исследованиях этой правовой категории. Однако многие из них невозможно отразить в такого рода документе, как постановление ПВС РФ, другие положения дискуссионны и применительно к уголовно-правовой сфере недостаточно разработаны. В связи с этим задачи исследования таковы: 1) охарактеризовать каждое основание, критерий (условия, показатели) правомерного ограничения прав человека с учетом Конституции РФ, доктринальных положений, некоторых правовых позиций ЕСПЧ, КС РФ, названного постановления ПВС РФ; 2) определить программу исследования решений КС РФ применительно к уголовной сфере; 3) проанализировать постановления КС РФ, в которых идет речь о несоблюдении разных оснований, критериев правомерного ограничения прав и основных свобод человека и гражданина при закреплении, толковании или применении норм уголовного права и стыкующихся с ними норм; 4) показать нюансы толкования их применительно к уголовной сфере; 5) сформулировать предложения по совершенствованию закона, его толкования, применения.

В теории российского права отмечается, что система ограничения основных прав и свобод включает: ограничения общего характера; ограничения основных прав в условиях чрезвычайного положения; ограничения основных

прав, обусловленные особенностями правового статуса отдельных категорий граждан и их отношений с государством [13, с. 234–235]. В статье речь пойдет об ограничениях не в условиях чрезвычайного положения.

Нормативного определения правовой категории «ограничение прав человека» нет. В юридической литературе также отсутствует общепризнанное определение понятия «ограничение прав и основных свобод». Даже термины для его обозначения как нормами международного права, Конституции РФ, так и судебной практикой ЕСПЧ, КС РФ, ПВС РФ используются разные: кроме термина «ограничение» применяются термины «вмешательство в гарантированные Конвенцией права» (в названном постановлении ПВС РФ вмешательство и ограничение употребляются как имеющие одинаковое значение), «отмена», «отрицание», «умаление».

Суть этих терминов применительно к правам человека одна: многие из них могут быть урезаны, умалены, или, по-другому, государство имеет право вторгаться в осуществление многих прав и свобод. Даже право на жизнь, согласно ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, может быть ограничено, например, «...во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание...». Статья 20 Конституции РФ гласит: «Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей». Но это ограничение, вмешательство, как видно, возможно при наличии определенных условий, названных в Конвенции, Конституции РФ, национальном законодательстве, истолкованных в решениях ЕСПЧ и КС РФ. При их соблюдении ограничение того или иного права, вмешательство в права правомерное, при отступлении от них - неправомерное.

В юридической литературе ограничение прав (свобод) человека определяется как «...обусловленное объективно-субъективными факторами, главным образом политико-правового свойства, преследующее определенные цели, осуществляемое как правовыми, так и неправовыми средствами и способами, количественное и (или) качественное умаление субъектами власти прав и свобод человека». Под умалением понимается либо исключение, либо сужение объема и содержания прав человека [14]. В связи с этим для обозначения данной правовой категории подходит термин «ограничение», имеющий более емкое (по сравнению с вмешательством) значение, включающее сужение, сокращение, предел, границу [10].

Однако определение понятия «вмешательство в права» выработано ЕСПЧ и включает в себя не только введение ограничений прав человека, но и неисполнение государством иных обязательств по Конвенции. В исследованиях, посвященных этому вопросу, называются два их вида: негативные, позитивные, в том числе процедурные. «Понятие «вмешательство», - пишет Н.Н. Липкина, - охватывает случаи нарушения государством негативных обязательств по Конвенции, т.е. обязательств воздерживаться от совершения действий по ограничению прав и свобод человека, позитивных обязательств - обязательств совершать определенные действия, направленные на надлежащее осуществление прав и свобод, а также процедурных обязательств, т.е. обязательств произвести на внутригосударственном уровне надлежащее расследование фактов нарушения прав и свобод» [6, с. 41, 44-46, 164]. В настоящее время наличие у государства двух видов обязательств встречается в зарубежной литературе [17]. Следовательно, и термин «вмешательство в осуществление прав и свобод» по сути означает ограничение прав, но, согласно Конвенции и решениям ЕСПЧ, оно предполагается на уровне государства, а ограничение возможно и на уровне правоприменителя, ибо изменить, например, закон в государстве он не может. Отсюда следует, что понятие «вмешательство» шире понятия «ограничение». Оно тоже может быть правомерным и неправомерным.

Кроме того, разрешение вопроса, имело ли место вмешательство в права, входит в алгоритм (схему) проверки ЕСПЧ жалобы на вмешательство в осуществление прав. В связи с этим в названном постановлении ПВС РФ употребляется и данный термин. В нем (п. 5) при определении понятия «ограничение прав и основных свобод» речь идет и об органах власти, местного самоуправления и судах. Возможно, поэтому в постановлении данные термины применяются как однозначные. «...Под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод». Судя по значению термина «препятствие», он выбран для того, чтобы подчеркнуть неправомерность вмешательства, ограничения. Хотя препятствия тоже могут быть правомерными и неправомерными, о чем свидетельствует содержание постановления ПВС РФ.

В исследованиях десятилетней давности по международному, европейскому, конституционному праву названы и кратко охарактеризованы

критерии (или условия) правомерного ограничения прав и основных свобод человека, предложена их классификация (формальные, материальные). Правда, для обозначения этих компонентов правовой категории «ограничение прав человека» тоже используются разные слова. В одних документах и, соответственно, в исследованиях называются основания, в других - принципы, в третьих - условия, в четвертых - компоненты, несмотря на то, что часто речь идет об одном и том же. Показалось, что разная терминология зависит и от контекста. Если говорить об отграничителе правомерного от неправомерного вмешательства, то подходит термин «критерий». Признаки, которыми должны обладать критерии (например, закон должен быть доступным, определенным, обоснованным), можно назвать или показателями критерия законности, или условиями. Поскольку эти критерии и некоторые условия указаны в Конституции РФ, в международных документах, их часто называют правовыми основаниями для ограничения прав. Нельзя не отметить также, что в этот период исследования ограничение прав человека чаще всего называется «критерий (основание) законности и его показатели (условия)», остальные условия чаще не привязаны к какому-либо критерию.

В более поздних исследованиях, касающихся рассматриваемого вопроса, раскрываются показатели не только законности, но и других критериев (например, ограничение, необходимое в демократическом обществе, и его показатели). При этом учитываются терминология и схема изучения материалов дела Европейским судом, а в юридической литературе этот алгоритм апробирован применительно к ограничениям конкретных прав и свобод [2].

В решениях ЕСПЧ, КС РФ [1, с. 144-158], постановлении ПВС РФ 2013 г. используется смешанный способ изложения: называются и показатели, и критерии. Так, в п. 5 постановления ПВС РФ 2013 г. отмечается, что любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую законную цель; являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой законной цели). То есть в нем выделяется критерий законности без указания на его составляющие; отдельный показатель верховенства права - должно преследовать социально значимую законную цель. Разработанный в практике ЕСПЧ критерий правомерного ограничения прав человека «необходимое в демократическом обществе», прямо не названный в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (хотя Пленум ссылается на нее), предлагается с указанием на одну его составляющую - пропорциональность. В связи с этим актуализируется не только выяснение особенностей конкретных условий правомерного ограничения прав человека, но и отнесение их к тому или иному

критерию, их соотношение. С учетом цели нашего исследования, в том числе для выработки алгоритма изучения постановлений КС РФ, более приемлемо использование терминологии и схемы изучения жалоб ЕСПЧ, ибо во многих решениях КС РФ просматривается алгоритм рассмотрения жалоб ЕСПЧ, используются как критерии, так и отдельные показатели. Кроме того, делается акцент на правовых позициях ЕСПЧ, КС РФ, ПВС РФ 2013 г., которые отражают степень важности каждого из них, правила преодоления конкуренции между показателями, что очень важно иметь в виду применительно к уголовной сфере, современному видению места международных норм, договоров в правовой системе России.

В схеме рассмотрения материалов ЕСПЧ, по утверждению авторов, изучающих его правовые позиции, кроме проверки наличия самого факта вмешательства, вторым вопросом рассматривается наличие у государства свободы усмотрения такого вмешательства. В отношении некоторых прав такой свободы нет, даже в чрезвычайных ситуациях (применение пытки). Свобода усмотрения государства в отношении вмешательства предопределена субсидиарным характером норм международного права. Согласно этому принципу международного права, национальная система защиты прав человека «остаётся основным уровнем защиты прав. Задачей же международного сотрудничества является предоставление только дополнительных средств правовой защиты...» [6, с. 27–28]. Принцип субсидиарности применительно к Конвенции исследуется многими российскими [5, с. 206–228] и зарубежными [18; 22] авторами. Более того, при конкуренции национального законодательства и конвенционных норм предпочтение отдается нормам с большими правовыми гарантиями. Такая норма, правовая позиция логична, она высказана в постановлениях как ЕСПЧ, так и КС РФ, ПВС РФ. То, что Конституция РФ предусматривает более широкие возможности для обратной силы закона (ст. 10 УК РФ), было отмечено в постановлении Конституционного Суда России от 20 апреля 2006 г. № 4-П. «...Ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в отличие от ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации, прямо не формулирует правило, обязывающее применять новый закон, принятый после совершения правонарушения, если он устраняет или смягчает ответственность в любых проявлениях. П. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах непосредственно обязывает придавать обратную силу лишь закону, устанавливающему более легкое наказание. Следовательно, Конституция РФ предусматривает более широкие возможности для обратной силы закона. Этот же принцип конкретизируется и в ст. 10 УК РФ». Значит, при конкуренции конвенционных норм и национального

законодательства России предпочтение должно отдаваться норме с большими гарантиями (законодательство России).

В постановлении ПВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» обращается внимание судов «...на то, что законодательство Российской Федерации может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Суда. В таких случаях судам, руководствуясь статьей 53 Конвенции, необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации» (п. 3 постановления).

Свобода усмотрения имеет свои пределы (термин показался удачным для данного контекста). Европейский суд постоянно подчеркивает, что государство обладает не безграничной свободой усмотрения [19]. В качестве них выступают критерии (основания), показатели (условия), при соблюдении которых возможно правомерное ограничение прав. Они предусмотрены как национальным законодательством, так и нормами международного права, по-разному сформулированы (ограничительные оговорки, выводимые из содержания того или иного права). Содержание каждого из них раскрывается в постановлениях ЕСПЧ, КС РФ, развивается в юридической литературе. Кратко в качестве таких критериев в юридической литературе называются законность, обоснованность, соразмерность. Каждый критерий (основание) характеризуется определенными показателями [8]. Соблюдение таких критериев является залогом правомерности вмешательства, а потому вторым тестом на правомерность вмешательства в литературе называется соблюдение пределов свободы усмотрения государства [6, с. 49]. С учетом положений постановления ПВС РФ 2013 г. он выглядит так:

- возможность вмешательства должна быть предусмотрена законом;
- вмешательство должно быть «необходимо в демократическом обществе», т.е. 1) обоснованным (должны существовать разумные и достаточные фактические основания для вмешательства); 2) преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); 3) соразмерным (пропорциональным) преследуемой социально значимой законной цели.

Первым критерием правомерного вмешательства государства в права человека (первая грань свободы усмотрения вмешательства в права) является законность, или, по-другому, любое ограничение прав человека должно быть предусмотрено законом. «Предусмотрено законом» в соответствии с

постановлением ЕСПЧ означает, что вмешательство в права должно иметь основание в национальном законодательстве [20]. В юридической литературе добавляется, что ограничение должно быть установлено правилом поведения, принятым законодательным органом, сформулированным в результате демократических выборов [21]. В настоящее время ч. 3 ст. 55 Конституции РФ называет федеральный закон, на основании которого возможны ограничения прав человека (в предшествующей редакции - федеральный конституционный закон). Однако в правовых позициях КС РФ отмечается, что поскольку субъекты РФ вправе ограничивать, например, право собственности, устанавливая региональные налоги и сборы, постольку Конституционный Суд предусмотрел, что «на законы субъектов РФ о налогах и сборах в полной мере распространяются положения ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ». Но ограничение прав на основании закона субъекта РФ правомерно лишь в том случае, когда возможность ограничения прав законами субъектов РФ предусмотрена в федеральном законе.

Кроме того, «основания для ограничения прав и свобод человека могут предусматриваться не только федеральным законом, но и международным договором Российской Федерации (выдача лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования во исполнение соответствующего международного договора и др.)». Это положение постановления ПВС 2013 г. предопределено уточнением российским законодателем, Конституционным Судом России, учеными места и роли международных договоров в правовой системе России. Соотношение норм международного и российского законодательства разной юридической силы (Конституция РФ, федеральный закон, закон) на разных уровнях (норма, правоприменение) имеет много особенностей. Кроме того, особенности применения конституционных норм, договоров обусловлены разным их характером: общие, конкретные или в специальной области; улучшающие, ухудшающие регулирование в конкретной области. Нельзя забывать и об особенностях отрасли законодательства, в которой преломляются нормы международного права [7; 11].

С учетом субсидиарности норм международного права, места норм международного права и договоров в правовой системе России, верховенства Конституции РФ, цели нашего исследования первый тест на правомерность вмешательства в права и свободы, предложенный в юридической литературе, выглядит так: наличие у государства (России) свободы усмотрения по осуществлению вмешательства в гарантированное право или свободу, основанное на нормах Конституции РФ, Конвенции и обусловленное соблюдением установленных Конституцией, Конвенцией целей такого

вмешательства; наличие у законодательного органа субъекта РФ права издавать закон, ограничивающий права и основные свободы человека.

Отсюда следует, что, во-первых, такие международные договоры, законы субъектов РФ должны отвечать тем требованиям, которые предъявляются к федеральному закону, ограничивающему права и свободы человека. Во-вторых, Конституционный Суд, прежде чем проверять качество закона, международного договора, должен проверять наличие у законодателя полномочий издавать закон, ограничивающий права и основные свободы человека, соответствие международного договора Конституции РФ.

Такое положение не противоречит конвенционным нормам и практике Европейского суда, предусматривающим возможность ограничения прав и свобод различными по своей юридической природе документами, лишь бы это ограничение имело основание в национальной правовой системе. Поэтому даже из такого расширительного толкования ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в России установлены более высокие гарантии прав и свобод человека по сравнению с Конвенцией.

К качеству любого закона, международного договора, на основании которых ограничиваются права и основные свободы граждан, предъявляются определенные требования как с формальной, так и с содержательной стороны [9, с. 165]. Международное право, практика Европейского, Конституционного судов, а также конституционалисты и теоретики права называют следующие требования к форме закона, которым ограничиваются права и основные свободы человека. Закон должен быть доступным, определенным, стабильным и предсказуемым. Некоторые исследователи полагают, что требование определенности правовых норм вбирает в себя доступность, стабильность, предсказуемость. Другие утверждают, что в интерпретации Европейского суда в понятие правовой определенности включаются только доступность, ясность, предсказуемость (предвидение) последствий применения правового акта [6, с. 133]. Нельзя не отметить, что в одних случаях некоторые из требований используются ЕСПЧ и КС РФ как итоговое решение по конкретному делу (определенность), в других - как составляющие требования предсказуемости, определенности, в третьих - как отдельное требование к закону. Главное назначение выделения каждого из них нам видится в том, чтобы обратить внимание законодателя и правоприменителя на эти характеристики закона с учетом особенностей уголовного права. Такое решение диктуют недавно выявленные Конституционным Судом случаи применения международного договора, ограничивающего права и основные свободы, без его опубликования. Это доказывает, что правоприменитель допускает неправовое ограничение

прав, т.е. игнорирует такое очевидное, понятное требование к закону, ограничивающее права, как доступность.

Между тем ЕСПЧ и КС РФ называют доступность одним из требований (по Конституции РФ - основных требований) к качеству закона, ограничивающего права. Данный термин толкуется Европейским судом в значении опубликования закона, чтобы граждане имели возможность ориентироваться в том, какие правовые нормы должны применяться к данному случаю. Требование официального опубликования закона содержится в ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, п. 6 постановления ПВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8 с последующими изменениями.

В отношении норм уголовного права ЕСПЧ и КС РФ неоднократно рассматривались жалобы на доступность бланкетных норм, которых в уголовном праве большинство. Для определения их содержания необходимо знать и использовать другие нормативные акты разной юридической силы, относящиеся как к регулятивным, так и к деликтным отраслям права. Такие нормативные акты также должны быть опубликованы.

Европейский суд допускает исключения из этого правила, но в далеко неординарном случае, например, когда военнослужащий был лично проинформирован офицером о содержании правового акта.

Показатель определенности, согласно дефиниции этого слова, означает «хорошо понимаемый, логичный, стройный, четкий», что больше характеризует термин «ясный», являющийся синонимом определенности. Не случайно в решениях ЕСПЧ он толкуется как ясный, четкий (в достаточной степени точный [15]; в юридической литературе - в значении конкретности предписаний, который вытекает из сути права вообще, и уголовного в том числе). В некоторых решениях ЕСПЧ показатель ясности выделяется как составляющая показателя определенности.

Но степень конкретности, ясности, по утверждению исследователей правовых позиций ЕСПЧ, для ограничения разных прав может быть разной. Когда дело касается серьезных правовых ограничений, например лишения свободы, очень важно четко соблюдать это требование к закону, чтобы применение права было предсказуемым. В отношении других прав требование ясности закона не может быть абсолютным, не означает, что все содержащиеся в законах понятия должны быть исчерпывающе раскрыты в тексте самого закона. Обосновывается это особенностями норм права, возможностью толкования их судебной практикой, допускается возможность даже не одного толкования. «В силу необходимости создания законов, которые могли бы применяться в неопределенно широком круге постоянно меняющихся обстоятельств, национальному законодателю зачастую приходится избегать

повышенной четкости и строгости формулировок, приходится включать в положения закона термины, которые являются относительно нечеткими, неопределенными». Однако такая неясность должна компенсироваться, например, наличием разъяснений или соответствующей устойчивой практикой внутри государственных судов по применению данной нормы [6, с. 138].

Определенность по нормам международного права в отношении закрепления признаков преступлений в законе особая, предполагает судебное толкование и прецедент. Россия относится к странам с континентальным правом, где его источником не признаются судебные прецеденты. Более того, в настоящее время следует очень осторожно относиться к опубликованной судебной практике, поскольку она небезупречна. В этой связи уместно предупреждение председателя КС РФ В. Зорькина о том, что «любые попытки решительно прививать к российской правовой системе англосаксонские юридические «побеги» неоправданны и разрушительны» [3].

Однако в современных условиях применять нормы уголовного права стало необычайно трудно (не только принимая во внимание положения Общей и Особенной частей, в которых содержится логическая норма уголовного права, но и с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, Конституции РФ, других отраслей права, всей системы права) [12]. Поэтому толкование их в постановлениях ПВС РФ через обобщение судебной практики, как это делает Верховный Суд, чтобы оно было в рамках ст. 126 Конституции РФ, нельзя недооценивать. Можно назвать его постановления толковательным прецедентом по аналогии с правовыми позициями Европейского суда в отношении конвенционных норм. Но тогда Верховный Суд при толковании норм уголовного права сам должен соблюдать положения Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, договоров. Согласно им, например, нельзя внезапно менять (не обусловленное изменениями общественных отношений) толкование термина. Причем, по правовым позициям ЕСПЧ, оно должно толковаться в лучшую для человека сторону, особенно если в зависимости от его широкого или узкого значения происходит криминализация деяния (а не наоборот, как это произошло с понятием «доход» применительно к незаконному предпринимательству). Термины, заимствованные уголовным правом из других отраслей права, однозначно толковаться чаще всего не могут, когда выполняют разные функции в уголовном и регулятивном законодательстве и имеют разное правовое поле и др.

Стабильность закона, согласно значению этого слова, применительно к нашему срезу исследования (требования, относящиеся к его форме) предполагает исследование вопросов структуры закона как с позиций

непротиворечивости его отдельных положений, так и в целом уголовного законодательства, чтобы оно могло длительное время регулировать общественные отношения. Стабильность закона - это неизменность основных его положений при не изменяющихся социально-политических условиях в обществе. Назовем такое видение стабильности закона в узком смысле слова, так как в теории права в определении понятия стабильности закона объединяются требования, относящиеся к его форме и содержанию, ибо в них акцент делается на факторах, обуславливающих и обеспечивающих стабильность закона [4].

Однако стабильность тоже должна быть в разумных пределах. Если меняются общественные отношения, значит, и закон должен меняться. Эту правовую позицию высказали и Европейский, и Конституционный суды. Так, в постановлении КС РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П заложена обратная сторона принципа стабильности. «Для того чтобы соразмерить свое поведение нормам закона, он должен быть стабильным. Нормы права должны меняться лишь тогда, когда для этого в обществе имеются предпосылки. Однако в случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, законодатель - исходя из конституционных принципов - обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями».

Итогом поспешности изменений, вносимых в УК РФ, часто не обусловленных социальными отношениями, отменяемых через короткий промежуток времени (о чем постоянно пишут и криминологи, и представители науки уголовного права), явилось нарушение основ уголовного законодательства, его системности, что ставит на повестку дня разработку нового УК РФ. Между тем стабильность регулирования существующих правоотношений, как и точность, конкретность правовых норм, необходима для того, чтобы участники соответствующих отношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей.

Предсказуемость последствий вмешательства государства в права человека и его основные свободы означает возможность предвидения, прогнозирования последствий такого ограничения прав и предназначена, по правовым позициям Европейского суда, для того, чтобы лицо могло предвидеть ограничение и его последствия с разумной надежностью. Как подчеркивается в юридической литературе, только возможность предвидеть, а не право непременно знать о его

осуществлении. Как известно, незнание закона не освобождает от уголовной ответственности.

По сути, соблюдение всех названных формальных показателей критерия законности необходимо для того, чтобы лицо могло предвидеть последствия вмешательства. Возможно, для того, чтобы все эти показатели не перечислять, ЕСПЧ и КС РФ иногда объединяют их в понятие правовой определенности. Поэтому в юридической литературе предсказуемость последствий вмешательства называют итоговым формальным показателем допустимости ограничения прав человека. Именно он имеет ключевое значение, поскольку соблюдение его ведет к достижению основной цели правовой определенности - предоставить лицу возможность видеть, при необходимости прибегнув к помощи квалифицированных юристов, возможные изменения своего правового статуса [6, с. 139].

Представляется, что доступность, определенность, ясность, конкретность, стабильность закона выступают средствами для достижения названной цели - возможности предвидения, прогнозирования последствий ограничения прав, изменения правового статуса. Цель и средства должны соответствовать друг другу. Средства должны быть достаточны для достижения цели. В связи с этим не случайно, во-первых, некоторые показатели, по мнению ЕСПЧ и КС РФ, могут строго не соблюдаться, если соблюдение других формальных требований правомерности ограничений обеспечивает достижение поставленной цели; во-вторых, как Европейский, так и Конституционный суды рассматривают конкретную жалобу применительно к конкретным обстоятельствам.

Но это тактическая (промежуточная) не конечная (глобальная) цель, ибо можно соблюсти все формальные показатели (условия) правомерного ограничения прав (вмешательства), но если закон не обоснован, ограничение несоразмерно законным целям, то оно не является необходимым в демократическом обществе. Необходимое в демократическом обществе ограничение возможно при соблюдении содержательных (материальных) условий (показателей) правомерности вмешательства в права.

Bibliography

1. Burkov A.L. Konventsiiya o zashhite prav cheloveka v sudakh Rossii [Human rights Convention in Russian Courts]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2010. 448 p.
2. Gulyaeva E.E. Pravovye osnovaniya ogranicheniya prav na svobodu i lichnyuyu neprikosnovennost' po Konventsii o zashhite prav i osnovnykh svobod 1950 goda [Legal grounds for restricting the right to liberty and security of the Convention

for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms dated 1950]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 208 p.

3. Zor'kin V. Economy and law: new context. Rossiyskaya gazeta = Russian Gazette, 2014, May 22. (In Russian).

4. Kazimirchuk V.P. (ed.). Kontseptsiya stabil'nosti zakona [The concept of law stability]. Moscow, Prospekt Publ., 2000. 176 p.

5. Krasikov D.V. Yurisdiksiya Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka: printsip subsidiarnosti. Kand. Diss. [The jurisdiction of the European Court of Human Rights: the principle of subsidiarity. Cand. Diss.]. Saratov, 2004. 178 p.

6. Lipkina N.N. Pravovye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka otnositel'no svobody usmotreniya gosudarstv pri osushhestvlenii vmeshatel'stva v prava i osnovnye. Cand. Diss. [The legal position of the European Court of Human Rights concerning margin of appreciation of nations in the implementation of the intervention in the human rights and fundamental freedoms. Cand. Diss.]. Moscow, 2008. 225 p.

7. Pikurov N.I. Kvalifikatsiya prestupleniy s blanketnymi priznakami sostava [Qualification of offences with blank elements]. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2009. 285 p.

8. Plokhova V.I. Sotsial'noe i pravovoe obosnovanie ugolovnogo zakona: (na primere prestupleniy v sfere ekonomiki) [Social and legal basis of the criminal law (taking economic crimes as an example)]. Barnaul, Altai University Publ., 2011. 166 p.

9. Sal'via M. de. Evropeyskaya konventsiya po pravam cheloveka [European Human Rights Convention]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 1040 p.

10. Thesaurus ASIS. Available at: <http://www.dic.academic.ru>. (In Russian).

11. Federal Law No. 9-FZ of the Russian Federation on the Constitutional Court of the Russian Federation (as amended by the Federal Constitutional Law of the Russian Federation dated 4 June 2014). Art. 101. Available at: <http://www.ksrf.ru>. (In Russian).

12. Filimonov V.D. Norma ugolovnogo prava [The criminal law norm]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 281 p.

13. Ebzeev B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii [Person, people and the state in the constitutional system of the Russian Federation]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2005. 652 p.

14. Yagofarova I.D. The main characteristics of restrictions on rights and freedoms: theoretical aspect. Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal = Academical law journal, 2002, no. 4, pp. 4–10. (In Russian).

15. Application no. 24838/94, *Stell and Others v. the United Kingdom*, ECHR Judgment of 23 September 1998, § 54.
16. Application no. 70923/01, *Jurievs. Lithuania*, ECHR Judgemen of 15 June 2006, § 39.
17. Barnidge R.P. States' Due Diligence Obligations with regard to International Non-State Terrorist Organisations Post-11 September 2001: the Heavy Barden that States must bear / R.P. Barnidge // *Irish Studies in International Affairs*. — 2005. — Vol. 16. — P. 103–125.
18. Carozza P.G. Subsidiarity as a Structural Principle of International Human Rights Law / P.G. Carozza // *The American Journal of International Law*. — 2003. — P. 38–79.
19. *I.A. v. Turkey*: European Court of Human Rights' Judgment of September 13, 2005 (§ 25) [Electronic resource] // European Court of Human Rights' Official Database «HUDOC». — Mode of access: <http://www.hudoc.echr.coe.int>.
20. *Leyla Sahin v. Turkey*: European Court of Human Rights' Judgment of November 10, 2005 (§ 88) [Electronic resource] // European Court of Human Rights' Official Database «HUDOC». — Mode of access: <http://www.hudoc.echr.coe.int>.
21. Novak M. Limitations on Human Rights in a Democratic Society / M. Novak // *All-Evropean Human Rights Yearbook*. 1993. P. 110–131.
22. Petzold H. The Convention and the Principle of Subsidiarity / H. Petzold // *The European System for the Protection of Human Rights* / ed. by R.St.J. Matscher, H. Petzold. Boston: M. N.: Jhoff, 1993. P. 41–62.